

Контрастивное описание метафорического поля «внешний вид Человека» в лингвокультурологическом аспекте (на материале русского и польского языков)

ЛЮБОВ В. БАЛАШОВА
(Саратов)

Системный подход к исследованию метафоры, активно разрабатываемый в последние десятилетия, непосредственно связан с развитием когнитивной лингвистики. Как отмечает, например, Н.Д. Арутюнова, «метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем» (Арутюнова 1990: 14). Таким образом, данный феномен непосредственно участвует в создании и функционировании языковой картины мира как одной из наиболее значимых составляющих картины мира в целом. Метафоры «напрямую связаны с мировидением этноса – носителя языка, поскольку метафоры как знаки вторичной номинации опираются на образно-ситуативную мотивированность (Телия 1996: 214).

Если рассмотреть с этой точки зрения состав оценочных (образных) метафорических наименований частей тела и общей характеристики внешнего вида человека в русском и польском языках, то можно выделить несколько закономерностей. Во-первых, в обоих языках данный тип метафоры имеет ярко выраженный оценочный характер. Во-вторых, анализируемые переносные значения ограничены в функционально-стилистическом отношении: они концентрируются либо в

книжных вариантах речи (поэтизмы, архаизмы и т.п.), либо в разговорной речи, жаргонах и просторечии. Последнее подтверждает тот факт, что качественные характеристики внешности человека являются значимыми для обоих этносов.

Однако в любом варианте русского и польского языков в основе оценки здесь лежит принцип привлекательности / непривлекательности, что вполне объяснимо. Как писал еще Спиноза, «мы называем какую-либо вещь хорошей или дурной, смотря по тому, доставляет ли она нам удовольствие или неудовольствие» (Спиноза 1957: 531).

Данный принцип проявляется в степени продуктивности оценочных метафорических наименований. Так, в семантической подгруппе «Части тела» образные переносные значения особенно широко распространены при номинации не тех органов, которые можно назвать жизненно важными (общие обозначения тела, костные образования, мышцы, внутренние органы), а тех, что отличаются качественным разнообразием, бросаются в глаза и влияют на общее впечатление от внешнего вида человека, ср.:

- голова: *башня, дыня, котел, кочан, пена, яйцеголовый* – *dyniowata głowa, globus, głowa jak bania, głowizna, leb, makówka, pała*;

- лицо: *будка, вывеска, жабые, кукольное, лошадиное, лягушачье, морда, пачка, рыло, ряска* – *cyferblat, facjata, kula, lalkowata twarz, malpia twarz, morda, twarz jak piąstka, pysk, trupioblada twarz*;

- глаза: *агатовые, бельма, бусинки, васильковые, водянистые, изумрудные, звезды, масляные, миндалевидные, мутные, мышинные, овечьи, огонек, оловянные, рачьи, рысьи, сапфировые, свиные, стеклянные, тусклые, как угольки, фиалковые, шары, ястребиные* – *agatowe oczy, bławatkowe, bławatne, brązowe, cebulaste, chabrowe, matowe, migdałowe, fiołkowe, piwne, szafirowe, szmaragdowe, jak węgielki, jak szparki, zabie, szklisty wzrok*;

- нос: *картошкой, клюв, кнопка, крючком, крючковатый, напильник, орлиный, пипка, пуговка, пуговкой, пятак, пятачок, рубильник* – *nos b ulwiasty, galkowaty, garbaty, haczykowaty, krogulczy, jastrzębi, orli, perkaty, zadarty, dziób, dzióbek, jak haczyk, jak kartofel*;

- щеки: *булки, булочки, как у хомяка* – *chomikowy, jagody, pyzy, pyzaty*;

- рот, губы: *варезка, лепешки, лягушачий, пасть, бантиком, кораллы* – *dzióbek, usta koralowe*;

- шея: *бычья, загривок, лебединая* – *szyja bocianowata, łabędzia, byczy kark*;

- руки, пальцы: *грабли, доска, клешня, клещи, узловатые – graba, łapa, łapina, pazur, racica;*

- ноги: как бревна, жерди, журавлиные, козлоногий, костыли, копыта, лапа, ласты, лыжи, палки, паучьи, слоновые, спички, тумбы, ходули, цыплячи – *cienkie jak badyle, badyłowate, piszczel, komarze, paląkowate, szczudłonogie, tykowaty;*

- живот и бедра: *арбуз, бурдюк, брюхо, буфера, гузка – brzuch, kuper;*

- волосы: *барашком, бобрлик, венник, грива, ёжик, ёжиком, золотые, золотистые, каскад, конский хвост, копна, лохмы, львиная грива, льняные, медные, мочало, огненные, пакля, пух, пушок, серебряные нити в волосах, как солома, сосульки, сосульками, шапка, шелковые – brązowe, jedwabne, jedwabiste, słomkowożółte, szczotkowate, złotobarwne, złotobrązowe, złotorude, chochoł, chwost, gęstwa, gęstwina, grajcarek, grzywa, grzywka, jeź, na jeza, jezyc się, karb, kłaki, kogutek, kołtun, kołtuniasty, konopiasty, konski ogon, lnianowłosy, lwia grzywa, miedzianowłosy, pierścionek, srebrne nici, płomiennowłosy, jak szczotka, świński blondyn, wełniasty, złotowłosy;*

- усы: *ершистые, пиеничные, пушок, сосульки, сосульками, щетинистые, щетка – krzaczaste, mech pod nosem, jak szczotka, wiechcie wąsów;*

- борода: *клином, козлиная, лопатой, мочало, щетина – capia, kozia, miedzianobrody, w szpic;*

- кожа: *алебастровая, атлас, атласная, бархат, бархатная, восковая, гусиная, кровь с молоком, мраморная, персик, шкура, шелковая, шелковистая, наждак, наждачная бумага, бронзовый загар – aksamitna, alabastrowa, atlasowa, brązowa opalenizna, gęsi, dziobata, jedwabisty, jedwabny, miedzianoskóry, mlecznorózowy, mlecznobiały;*

- неболезненные и болезненные, аномальные образования на теле, в организме, кожные проявления болезни, раны, повреждения: *гусиные лапки, паутинка морщин, пузыри на ладонях, круги под глазами, мешки под глазами, фонарь под глазом – bąble na dłoniach, bruzda, bulwa, dzioby, dziobaty, pajęczyna, pęcherze na dłoniach, pieprzyk, prosówka, torby pod oczami, worki pod oczami, wory, wypieki.*

Как можно заметить, наиболее регулярно оценочные метафоры в обоих языках характеризуют все то, что связано с человеческим лицом (прежде всего – глаза) и волосатым покровом. При этом можно установить следующую закономерность. Так, при номинации головы на первый план и здесь выходит оценка не столько внешнего вида, сколько лично-

сти именуемого, отношения к нему со стороны говорящего. При характеристике лица фиксируется общее впечатление по шкале «красивое, приятное – некрасивое, отталкивающее».

При характеристике глаз оба этноса внимательны к их конкретной форме, разрезу, цвету, причем здесь возможно сочетание конкретной характеристики глаз с оценкой личности именуемого (ср.: *стеклянный взгляд – szklisty wzrok*). Привлекательными признаются большие, но не навязчивые глаза насыщенного цвета. При характеристике волос также детализируется их цвет, форма, длина, кроме того, большое внимание уделяется степени ухоженности волос, аккуратности прически.

Весьма однотипна в обоих языках качественная характеристика рта, щек, шеи. Можно констатировать, что и полякам, и русским кажется неприятным лицо с толстыми щеками, большим ртом и с толстой и короткой шеей, и, напротив, привлекательным признается овальное румяное лицо с длинной шеей и небольшим, хорошо очерченным и алым ртом.

В русской и польской метафорической системах единичными примерами представлены именованные части туловища (живот, грудь, плечи, бедра), причем непривлекательными кажутся полные люди с отвислыми, как у животных, животом и бедрами. Подобное явление наблюдается и в отношении оценочной номинации конечностей. Эталонным являются руки с небольшими гладкими ладонями; а также не слишком полные и не слишком худые, не слишком длинные и не слишком короткие прямые ноги.

Таким образом, мы можем констатировать, что русскому и польскому этносам в принципе свойственны одинаковые представления о красоте и пропорциональности строения человеческого тела. Кроме того, метафорическим способом фиксируются прежде всего отступления от общепринятого идеала.

В то же время можно отметить определенные различия в системе именовании отдельных частей тела человека в русском и польском языках. Так, при номинации формы носа в русском языке наибольшим разнообразием отмечены наименования вздернутого маленького носа (*кнопка, пипка, пуговка, пуговкой, пятак, пятачок*), тогда как в польском – крючковатого (*garbaty, haczykowaty, jastrzębi, orli, dziób, dzióbek, nos jak haczyk*). Возможно, это вызвано степенью распространенности носов той или иной формы среди русских и поляков.

Именно типичностью определенной внешности среди представителей польского этноса, как нам кажется, объясняется большее разнообразие в польском языке наименований, характеризующих светлый цвет волос (блондины, шатены, рыжие): *brązowe, lniane, słomkowitzolte, złotobarwne, złotobrązowe, zlatorude, konopiasty, lnianowłosy, miedzianowłosy, płomiennowłosy, swiński blondyn, złotowłosy*. Может быть, здесь играет роль и то, что световолосые и рыжеволосые люди кажутся поляками более привлекательными, поэтому в языке и фиксируются все возможные оттенки этих цветов, причем основная часть таких наименований – поэтизмы.

Можно отметить также еще одну особенность. По-видимому, польскому этносу в целом присуще большее внимание к внешности человека. Не случайно число наименований небрежной прически, неухоженных волос в польском языке больше, чем в русском. Этим, на наш взгляд, объясняется и большее число наименований всяких болезненных и неболезненных образований (прежде всего – на лице), а также морщин.

Итак, для русской и польской культур характерен однотипный идеал красоты, эталон человеческой фигуры, причем в обоих языках с помощью образных метафор фиксируются прежде всего отступления от этого эталона. Различия в номинации конкретных частей тела, органов человека вызваны, на наш взгляд, прежде всего различиями типичной внешности русских и поляков.

Не менее регулярно в русском и польском языках метафорический способ номинации используется при оценочной характеристике «Внешности человека в целом».

Часть лексем и фразеологизмов фиксируют общее впечатление о внешности человека: ее привлекательность – непривлекательность, соответствие – несоответствие представлениям о красоте, гармонии лица, тела и внешнего вида (например: *ангелочек, аполлон, баба-яга, богиня, гадкий утенок, жаба, кикимора, крокодил, крыса, куколка, обезьяна, херувим, цыпочка – gracja, aniołek, dziewczyna jak jagoda, dziewczyna jak malina, dziewczyna jak łania, dziewczyna jak lala, efeb, patuba, upiór, brzydkie kaczątko*).

Некоторые члены парадигматического ряда сочетают оценку внешности с конкретизацией физических параметров: сильный, мощный, здоровый – слабый, немощный, старый; другие фиксируют внимание на впечатлении от манеры одеваться, причесываться (аккуратно – неаккуратно, со вкусом – без вкуса). Показательно, что в обоих языках

большинство слов этой части парадигмы характеризуют внешность женщины, причем в польском языке эта закономерность прослеживается более последовательно, чем в русском. Можно отметить и тот факт, что в польском языке более жестко положительная – отрицательная оценка зависит от возраста: молодость привлекательна, старость ассоциируется с уродством и вызывает презрение.

Еще в большей степени данная национальная специфика прослеживается на примере парадигматического ряда, характеризующего мощь, силу, здоровый вид или, напротив, физическую немощь, невзрачность (ср.: *божий одуванчик, бугай, бык, гриб, дуб, жеребец, живой труп, Илья Муромец, кляча, кобыла, кряж, культурист, лошадь, старый мерин, огурчик, орел, развалина, руина, сокол, сморчок, тур, хрыч – zdrow jak cwik, chłop jak dąb, zdrow jak koń, stary koń, zdrow jak rydz, zdrow jak rzepa, tur, orzeł, sokół, byczek, niedojadek, hetka, chmyz, truposz, wumoczek*). В отличие от русского языка, где излишняя мощь даже у мужчин может оцениваться отрицательно (ср.: *жеребец, буйвол, бык*), в польском языке сильный и крепкий мужчина не вызывает отрицательных эмоций. Более последовательно, чем в русском, в польском языке отрицательные эмоции связаны с немощью и старостью.

Заметные отличия польской системы от русской прослеживаются в парадигматическом ряду, фиксирующем впечатление от внешнего вида человека, его манеры одеваться, причесываться. Если в русском языке слова этого ряда именуют в подавляющем большинстве женщин (ср.: *выдра, драная кошка, швабра*), то в польском достаточно регулярно метафорические номинации используются и по отношению к мужчинам (ср.: *bazant, strach na wróble, klepa, flądra, wystrojna jak lalka, kociak, lalus, elegant z morskiej pianki, szkapa, diabeł wenecki, kopciuch, kopciuszek, prosię, swinia, raróg, zmokła kura*). Однако, как и в русском языке, отрицательно оценивается тот, кто не следит за своим внешним видом, и тот, кто держится франтом, причем последнее относится именно к мужчинам.

Напротив, практически не отличается от русской системы парадигма, характеризующая человека по полноте. Оба языка фиксируют только отступления от нормы, причем эти отступления («излишне полный – излишне худой») оцениваются обычно отрицательно (ср.: *батон, бочка, вешалка, глиста, живые моци, колобок, колода, комод, кощей, кубышка, пышка, тумба, туша – badylkowaty, badylek, chudy jak śmierć angielska, chudy jak szczur, chudy jak szczapa, szczurek, sucharek, glista, kostera,*

barykowaty, becziukowaty, jak becзка, cielsko, gyra sadia, jak wieprz, baryia). Исключение составляют лексемы, именующие полных детей. Такие номинации могут быть шутливыми, ироничными, но не содержат четко выраженной отрицательной оценки (ср.: *колобок, пышечка – bęben, knot, pędrak, pyza*).

Аналогичные явления наблюдаются в парадигме, характеризующей рост человека: фиксируется только отступление от нормы («слишком высокий» – «слишком низкий»), что оба этноса оценивают отрицательно (ср.: *блоха, верста Коломенская, каланча, кнопка, мальчик с пальчик, метр с кепкой, мужичок с ноготок, телеграфный столб, шпингалет – gnom, gidia, tyka, babon, grenadier, dqb, lokietek, kurdupel*). Отрицательная оценка отсутствует при номинации детей, чей маленький рост вызывает умиление (ср.: *крошка, гномик – Tomcio paluch, drobina*). Впрочем, такого же рода исключения можно наблюдать и при описании внешности мужчины. Но в данном случае обязательно фиксируется не только большой рост, но и сила, мощь и здоровье (ср.: *великан, гренадер – goliat, kolos*).

Напротив, в обоих языках нет никаких исключений в парадигматическом ряду, характеризующем человека с точки зрения манеры двигаться. Подвижный человек с легкой или плавной походкой всегда оценивается положительно, тогда как малоподвижный неповоротливый человек – отрицательно (ср.: *газель, кузнечик, лебедь, серна, пава, бегемот, битюг, бык, каракатица, корова, слон, тюлень – klockowaty, bawól, buła, miś, niedźwiedz, słoń, foka*). Однако здесь наблюдается следующая закономерность. Манера двигаться всегда сочетается с характеристикой и пропорциональностью фигуры. Подвижность, грациозность движений присуща худым людям, тогда как малоподвижность и неповоротливость – полным. Следовательно, для русского этноса все же более привлекательными кажутся люди худощавые, нежели полные.

Подобие подходов наблюдается и в наименованиях человека по конкретным внешним признакам, например, по длине рук или ног (ср.: *цанля – czapla*). Таких слов не так уж и много, причем те метафорические парадигмы, которые достаточно продуктивны в подгруппе «Части тела», слабо разработаны в подгруппе «Характеристика человека в целом». Однако именно среди таких слов ярко прослеживаются различия в составе русской и польской систем (ср. отсутствие в русском языке метафор, аналогичных польским (*bielak* 'альбинос'; *okularnik* 1. 'очковая змея, кобра'; 2. 'очкарик').

Таким образом, метафорическая номинация человека в целом со стороны его внешности в русском и польском языках как бы дополняет метафорическую номинацию отдельных частей тела человека. Так, в подгруппе «Части тела» парадигма «части туловища» представлена всего несколькими лексемами, тогда как парадигматический ряд «полный / худой человек», один из самых многочисленных. Напротив, в подгруппе «Части тела» метафорическая номинация конечностей, одна из самых разработанных, а в подгруппе «Внешность человека в целом» присутствуют лишь несколько существительных с фиксацией особенностей строения именно этих частей тела. Языковые системы в рамках данных подгрупп весьма однотипны по семантике. Вместе каждая из них имеет ряд специфических особенностей, причем различия в составе русской и польской подгрупп в основном обусловлены культурологическими факторами, например, различной степенью значимости для русского и польского этноса внешности мужчин и женщин, молодых и старых людей и т.п.

Характеризуя степень регулярности субстантивных метафор в предметной сфере, исследователи обычно выделяют несколько универсальных моделей переносов: «животное → человек, похожий на животное по внешним признакам»; «часть тела животного → часть тела человека»; «часть растения → часть тела человека»; «растение → человек, похожий на растение внешне»; «артефакт → человек, внешне похожий на этот артефакт»; «изделие из теста → человек, внешне похожий на него» (Балашова 1998: 35-67; Петрова 1989: 120-133; Складаревская 1993: 80-84). Исследуемый материал подтверждает, что образная (нетер-минологическая) метафора строится именно по этим моделям.

Пожалуй, самой продуктивной в обоих языках является зооморфная модель метафоризации, что вполне закономерно, поскольку, как отмечал еще С. Ульман, наиболее древними и продуктивными в языке являются антропоморфные и зооморфные метафоры (Ульман 1970: 277). В обоих языках эта модель реализуется в трех основных разновидностях:

- «животное → человек в целом» (на основе сходства общего вида или отдельных частей): бегемот, глиста, дикобраз – *klepa, wydra, szkapa*;
- «животное → часть тела человека» (по внешнему сходству с частью тела животного): волосы барашком – *badylkowate nogi*;

• «часть тела животного → часть тела человека» (на основе сходства соответствующих частей тела у животного и человека): *грива, гузка, брюхо, когти* – *grzywa, grzywka, brzuch, kuper*.

При этом в обоих языках в качестве источника метафоризации используются названия как крупных, так и мелких животных, как обитающих в местах проживания народов, так и экзотичных (ср. *конь, рак, курица, аист, свинья, поросенок, крокодил, обезьяна, горилла, попугай* – *świk, koń, wymoczek, szczurek, raróg, ropucha, okularnik, małpizyon*). Однако при образовании конкретных наименований наблюдается следующие особенности.

Во-первых, направление метафорического переосмысления может быть одинаково в русском и польском языках (ср.: ‘уродливый человек’ – *обезьяна, мартышка; małpizyon, koczkodan; ‘хохолок (из волос) – петушок, kogutek; ‘неуклюжий человек’ – медведь, niedźwiedz*). Однако степень регулярности аналогичных образований может быть различна. В частности, в польском языке в целом тематический ряд «обезьяна» значительно регулярнее формирует переносные значения ‘уродливый человек’, чем в русском, ср.: *malpa, małpiarz, malpica, małpie, małpizyon, małpolud*.

Во-вторых, параллельные наименования могут не совпадать, но принцип мотивации переносного значения оказывается однотипным в языках (ср.: *здоров как бык – zdrow jak świk; гусиные лапки – kurze łapki; козлиная борода – capia bródka*).

В-третьих, определенное направление метафорического переосмысления свойственно только одному из исследуемых языков. Например, только в русском языке фиксируются переносные значения исследуемой семантики у существительных *глист, жеребец, крокодил, кузнечик*. Среди специфических польских метафор можно выделить переносы, которые в принципе могли бы быть в русском языке, например: *dzierlatka* ‘девушка-резвушка’, *myszka* ‘родинка’, *okularnik* ‘очкарик’. Есть метафоры, где мотивация менее очевидна, но всё же достаточно понятна для носителей русского языка: *gil* ‘сопли’, *gil na nosie* ‘красный нос’, *gil pod nosem* ‘сопли’ (общий признак – ‘красный’); *bazant* ‘стил-яга’ (ср. рус. *распускать хвост*; общий признак – ‘с красивым хвостом’).

Мотивация других польских метафор менее ясна для носителей русского языка, например: *flądra* ‘неряха, растрёпа’, *raróg* ‘чудак, нелепо

выглядящий человек, чучело'. Именно подобного типа метафоры отражают национальные культурные особенности и традиции. Например, для польского языка в целом свойственна очень дробная номинация лошадей различных пород и масти. Достаточно регулярно эти существительные и прилагательные развивают метафорические значения, отсутствующие в русском языке.

Кроме названных групп существуют переходные явления, когда направление метафорического переосмысления совпадает частично: совпадает принцип метафоризации, принцип выбора признака и т. д., но конкретный результат метафоризации различается, ср.: *седой как лунь – siwy jak gołąb*; *девушка-серна – kobieta jak łania*.

Вместе с тем следует отметить, что национальная специфика обнаруживается даже там, где семантика переносных значений достаточно близка, а модуль сравнения в принципе однотипен. Например, в русском языке существительное *кляча* развивает значение 'некрасивая, заморенная, утратившая женственность женщина'. В польском языке близкие ЛСВ имеют слова *klepa, wydra*. Однако в польских метафорах отсутствует признак 'заморенность' (как следствие ежедневной, длительной физической и моральной перегрузки). Женщину, утратившую женственность в результате тяжелой работы, можно не только осудить за неряшливый вид и утрату женственности (*драная кошка, выдра – klepa, wydra*), но и пожалеть, так как это – результат несправедливого, страдательного положения русской женщины в обществе в целом (ср. реализацию коннотативной семы 'жалость' в названии известного фильма Э. Рязанова *Старые клячи*).

Достаточно регулярно в русской и польской системах представлены флористические метафоры, формируемые по модели: «растение человек, часть тела, внешне похожие на это растение»: (*нос картошкой, голова-пена, живот-арбуз, женщина-ягодка – nos jak kartofel, makówka* 'башка', *śliwa* 'синяк, шишка'). Как и при реализации предыдущей модели, здесь встречаются идентичные метафорические наименования (ср.: *миндалевинные глаза – migdałowe oczy, волосы льняные – lniane, девушка-ягодка – dziewczyna jak jagoda, девушка как цветок – kwiatek*) или метафоры, образованные по сходному принципу (ср.: *нос картошкой – bulwiasty; стебелек* (о хрупкой девушке) – *badylek*).

Общность наблюдается и в степени представленности флористической метафоры в определенных парадигмах русской и польской систем.

Наиболее регулярно в обоих языках такого рода метафоры пополняют парадигматические ряды:

- «цвет и форма глаз» (*васильковые, миндалевидные – migdałowe, fiołkowe, bławatkowe, bławatne, chabrowe, cebulaste*);
- «форма носа» (*нос картошкой – jak kartofe, bulwiasty*);
- «волосяной покров (цвет, густота, качество, форма)» (*копна волос, заросли, кустистые брови, волосы как солома, льняные волосы, пиеничные усы – słomkowitzte, lnianowłosy, lniane, konopiaste, chochol, gęstwa, gęstwina, krzaczaste, mech pod nosem, krzaczaste*);
- «форма головы» (*дыня, пена, кочан – makówka, dyniowata*);
- «красавица» (*цветок, ягодка, роза, как маков цвет – dziewczyna jak jagoda, jak malina, kwiatek*).

При этом если при наименовании частей тела в обоих языках основанием для переноса преимущественно являлось указание на форму, размер, цвет растения, то при оценочной номинации человека в целом (*роза, цветок, ягодка*) – вкусовые ощущения и эстетическое впечатление.

Различия в образовании флористических метафор в сопоставляемых системах также позволяют выявить некоторые культурологические особенности. Так, в польском языке регулярнее, чем в русском, данный тип метафоры используется для характеристики синих глаз и очень светлых (льняных) волос. Возможно, это связано с тем, что в польском этносе голубоглазые блондины более распространены или только они соответствуют идеалу красоты.

Кроме того, возможен не только разный тип ассоциаций, но и разная оценка, связанная с одним и тем же растением. Например, *солома* в русском языке ассоциируется с торчащими жесткими волосами (и оценивается отрицательно), тогда как в польском – со светлыми волосами (и отрицательной оценки не содержит).

В русском языке худого человека можно назвать *стебельком*, причем такая характеристика распространяется только на грациозную девушку или ребенка; польское *badylek* не ограничено полом и возрастом именуемого, но зато имеет сниженный и шуточный характер.

Как и в модели «животное → человек», среди флористических метафор достаточно много специфических по языкам, но основное направление переноса, тип мотивации, как правило, все же совпадает. Например, ягодки в польском языке ассоциируются с яркими щеками, а

в русском – с губами. Более того, большинство специфических наименований в принципе потенциально возможны в другом языке, поскольку действует одинаковый принцип мотивации переносного значения (ср.: в русском языке красивую девушку сравнивают с ягодкой вообще, тогда как в польском возможна конкретизация типа ягоды – малина).

В то же время некоторые из специфических наименований дословно непереводимы на другой язык, хотя принцип мотивации остается достаточно понятным. Например, в русском языке полный сил, физически крепкий человек ассоциируется с *огурчиком*, в польском – с *репой* (*zdrow jak rzepa*). И в том, и в другом случае, по-видимому, основанием для переноса является то, что эти овощи тверды, крепки, не так легко поддаются деструкции. Но для русского человека концепт РЕПА осложнен отрицательными коннотациями (ср.: в просторечии *репой* называют голову, причем, как правило, человека не слишком умного), поэтому сильный, крепкий, привлекательный мужчина вряд ли будет назван с помощью этой лексемы. Однако основная масса флористических метафор либо идентична, либо понятна и потенциально возможна в рассматриваемых языках.

Это же свойство ярко проявляется метафоризации природных веществ и артефактов, где реализуется модель: «естественный объект, артефакт → человек, части тела, внешне похожие на них» (более трети переносов в русском и польском языках).

При реализации данной модели можно выделить несколько закономерностей в использовании наименований предметов естественного и искусственного происхождения для характеристики конкретных внешних признаков человека.

Цветовая гамма естественных, реже искусственных веществ регулярно становится основой для характеристики глаз и цвета, качества кожи человека (*агатовые, изумрудные глаза; алебастровая, атласная, бархатная кожа; бронзовый загар; златокудрый, шелковые волосы – agatowe, szafirowe, szmaragdowe* (о глазах), *aksamitna cera, alabastrowa skóra, atlasowa skóra, brązowa opalenizna, jedwabiste* (о волосах)); *złotowłosy*).

Овальная, круглая форма естественных и искусственных предметов становится основанием для характеристики формы головы, лица, живота и полных людей (*бурдюк, бочонок, пузырь – baryła, bęben, beczulkowaty, cyferblat, globus, głowa jak bania, kula*). Удлиненная форма изделий из дерева

(палки, жерди, шесты и т. п.) становится модулем сравнения при характеристике длинных и худых ног или тощего и длинного человека в целом (*ходули, жердь, палки, дылда, щепка – chudy jak szczapa, gidia, szczudłonie*). Разлиные виды изделий из теста характеризуют полное лицо, щеки иполного человека в целом (*булки; колобок, пышка – buła, pyza, pyzaty, pyzu*).

Подобие систем русского и польского языка проявляется в абсолютном параллелизме многих соответствующих наименований. В тех же случаях, когда наблюдается несовпадение, сохраняется общность направления и основания переноса (ср.: *мешки под глазами – torby pod oczami*).

Можно отметить, что специфические номинации чаще связаны с использованием в качестве источника метафоризации предметов искусственного происхождения, прежде всего – бытовых (особенно тех, что получили распространение в Новое и Новейшее время), а также продуктов питания (ср. *колобок, пышка, вешалка, стиральная доска, наждачная бумага – sucharek, pyza, wypiek, cyferblat, bacik, grajcarek*).

Конечно, как и при реализации других моделей, в обоих языках есть наименования, достаточно специфические, даже невозможные в другом языке. Особенно это касается тех лексем, которые способны развивать метафорические значения в обоих языках, но мотивация и результат метафоризации у них не совпадают. Например, в обоих языках существительное *фитиль (knot)* способно характеризовать внешний вид человека. Но в русском языке модуль сравнения – протяженная форма предмета, поэтому *фитилем* называют длинного худого человека. В польском языке *knot*, напротив, ассоциируется с полным ребенком, малышом, бутузом. Может быть, это связано со специфической формой самого предмета: фитиль имеет удлиненную форму (это и стало модулем сравнения в русском языке), а скручивается из льна, пеньки, то есть имеет овальную форму (и это легло в основу формирования переносного значения в польском языке).

То же самое можно проследить на примере слов, называющих большую палку, дубину. И в русском, и польском языках, как отмечалось, эти предметы ассоциируются прежде всего с длинными ногами, с неуклюжим человеком. Однако в польском языке представлен также следующий перенос: *pala* '1. большая палка, дубина; 2. разг. башка'; *palka* '1. палка; 2. уст. башка'. Модуль сравнения здесь достаточно ясен. С одной

стороны, большая палка (например, наподобие палицы) на конце имеет овальную, шаровидную форму. С другой стороны, сравнение с деревом типично и для русского языка при номинации глупого человека (*дубина стоеросовая*). Однако переноса на часть тела в русском языке все же нет.

Отсутствие определенных типов ассоциаций обнаруживается и среди других членов данной парадигмы, причем большинство из них связано с «рукотворными» объектами, которые не так регулярно развивают переносные значения в обоих языках. Так, в польском языке остроконечная борода ассоциируется со шпилем (*brodka w szpic*); плотно сжатые тонкие губы – с клетушкой, конурой (*buzia w ciup*). При переводе на русский язык мы можем с большей или в меньшей точностью понять, почему эти объекты способны развивать такие переносные значения. Однако в русском языке этот тип ассоциации просто отсутствует.

Вместе с тем универсальность моделирования метафорических наименований человека по его внешним признакам проявляется в том, что даже те модули сравнения, которые нетипичны для русского или для польского языка, могут становиться актуальными в окказиональных номинациях или в описательных выражениях. Например, специфически польской является ассоциация пива с цветом глаз (*piwne*). Но в последнее время на телеэкране при рекламе пива используется в качестве модуля сравнения именно цвет этого напитка, хотя характеризует он цвет не глаз, а кожи: «*Нас ослепляло не столько солнце, сколько загар наших подруг, загар цвета пива*».

Наконец, достаточно регулярно как в русском, так и в польском языках встречается антропоморфная метафора, представленная такими разновидностями, как: «человек, литературный перносаж, мифическое существо → характеристика человека по его внешним признакам»; «часть тела человека, мифического существа → характеристика человека по его внешним признакам». При формировании метафорических переносов по этой модели внешние данные личности характеризуются через устойчивые ассоциации, связанные с внешними признаками людей определенных рас, национальностей, профессий и т.д., а также с внешними признаками исторических деятелей, мифических, литературных героев.

В реализации данной модели можно отметить ряд идентичных номинаций (ср. *аполлон, ангел, ангелочек, гном, голиаф, колосс, цыганка*,

мальчик с пальчик – *cyganka, aniolek, Apollo, gracia, goliat, gnom, kolos, Tomcio paluch*).

В то же время наш материал позволяет установить и целый ряд существенных различий в реализации данной модели. Так, специфическими русскими наименованиями можно считать следующие: *дистрофик* (о худом человеке), *негр* (о загорелом человеке), *баскетболист* (о высоком человеке), *культурист* (о крепком человеке), *фотомодель* (о высокой и стройной девушке), *баба-яга* (о непривлекательной женщине), *кощей* (о худом человеке), *Илья Муромец* (о крепком и сильном мужчине). Напротив, в русском языке не зафиксированы переносы, аналогичные польским: *efeb* (юноша-красавец), *diabel wenecki* (нелепо одетый человек), *chudy jak smierc angielska* (тощий человек).

В некоторых случаях в обоих языках присутствуют однотипные метафорические наименования. Однако сфера их применения различна. Например, в русском языке *гренадером* называют высокого, физически крепкого и привлекательного мужчину, а в польском *grenadier* – шуточное обозначение высокой и мужеподобной женщины.

В целом наибольшее количество совпадений связано с использованием наименований, взятых из античных или библейских источников, что подтверждает близость культурного пространства народов. Различия же наблюдаются прежде всего в использовании фольклорных, сказочных образов (ср.: *баба-яга, Илья Муромец*).

Наличие специфических источников метафоризации типично также при использовании в качестве источника метафоризации номинаций профессий, видов деятельности, получивших распространение лишь в последние десятилетия (ср. в русском языке – *фотомодель, культурист*), или имен собственных национальных исторических личностей (ср. сравнение сильного человека в современной речи с чемпионом мира – борцом Карелиным).

Различия в степени распространенности и известности культурных реалий других народов, государств также могут приводить к специфическим переносам. Так, в польском языке при указании на нелепо одетого человека может использоваться выражение *diabel wenecki* (черт венецианский). Сравнение с *чертом* при характеристике внешнего вида возможно в русском языке, например, если человек грязен, растрепан, небрежно одет или уродлив; *дьяволенком* можно назвать подвижного и непоседливого мальчика, подростка. Но в польском языке су-

ществительное *diabel* уточняется географическим эпитетом – *wenecki*. По-видимому, это связано с традиционными костюмами венецианского карнавала. Для русского человека этот элемент западноевропейской культуры малознаком и непонятен. Точно так же поляки вряд ли поймут, о чем идет речь, если физически мощного человека назовут *Иваном Поддубным*, то есть именем реального лица – борца начала XX века. Впрочем, такие ассоциации неустойчивы и в том языке, в котором они получили распространение. Так, современный российский подросток, как и поляк, почти наверняка ничего не знает о легендарном борце, поэтому данное наименование явно архаично и почти вышло из употребления. Более вероятным нам представляется использование современными молодыми поляками и россиянами общих кумиров мирового масштаба: при указании на силу и мощь мужчины – Майкла Тайсона, при указании на женскую грацию и красоту – Клаудии Шифер.

Таким образом, в антропоморфной метафоре наиболее ярко проявляется национально-культурная обусловленность русской и польской картин мира. Христианская, а также античная культура оказывает сильное влияние на русскую и польскую культуры, что и обуславливает однотипность многих конкретных наименований человека по его внешним признакам в обоих языках. Вместе с тем культуры двух народов уникальны, что отражено и в системе исследуемых метафор.

Следовательно, можно констатировать, что в русском и в польском языках наблюдается достаточно большое сходство в принципах формирования и функционирования метафорических наименований человека по его внешним признакам. Это сходство проявляется прежде всего в продуктивности одинаковых источников метафоризации и, главное, в однотипности моделей метафоризации. Вместе с тем в рассматриваемых системах есть и существенные различия, которые связаны как со степенью регулярности конкретных источников, так и с выбором модуля сравнения, который кладется в основу формирования переносного значения. Именно в этом случае можно говорить об определенных различиях в структуризации русской и польской языковых картин мира.

Итак, как показал анализ, образная метафора очень широко представлена в русском и польском языках при номинации лица, волос и их состояния, особенностей кожи и других более мелких деталей

внешности. В целом складывается впечатление, что чем меньше деталь тела, тем больше образных номинаций она развивает.

Продуктивность подобного рода метафорических производных в целом обусловлена стремлением человека к выразительности, оригинальности речи, а также со стремлением как русских, так поляков дать оригинальную, экспрессивную характеристику людям. Не случайно большинство образных переносов сосредоточено в сниженных или, напротив, высоких стилях речи, где экспрессивная функция является ведущей, основополагающей. Показательно, что единые модели действуют как в книжных, так и в сниженных стилях речи.

Выявленные модели позволяют сделать вывод о том, что метафоризация является не только средством наименования, но и одним из способов восприятия мира человеком. Выделив конкретные реалии, наше языковое сознание классифицирует их. В обоих языках оценка внешности неразрывно связана с оценкой социальных, нравственных и других характеристик человека (ср. метафору *бык* в современном русском языке; не случайно в жаргоне *быками* называют охранников «новых русских», вкладывая в эту номинацию представление об определенном социальном, образовательном уровне физически крепких молодых людей). Метафоры в области номинации человека и частей его тела стремятся «выйти» за пределы узкопредметной лексики и оценить человека как личность, тем самым перейти на новый уровень обобщения, включиться в самый регулярный процесс в системе метафоризации в целом: от конкретного – к абстрактному.

Литература

- Арутюнова Н.Д., 1990, *Метафора и дискурс. – Теория метафоры*, Москва.
Балашова Л.В., 1998, *Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX веков)*, Саратов.
Петрова З.Д., 1989, *Регулярная метафорическая многозначность в русском языке как проявление системности метафоры. – Проблемы структурной лингвистики 1985–1987*, Москва.
Скляревская Г.Н., 1993, *Метафора в системе языка*, Москва.
Спиноза Б., 1957, *Избранные произведения*, В 2 т. Т. 1. Москва.
Телия В.Н., 1996, *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*, Москва.

Ульман С., 1970, *Семантические универсалии. – Новое в лингвистике. Вып. 5, Москва.*

The Contrastive Description of the Metaphorical Field “Appearance” in the Linguocultural Aspect (in the Russian and Polish Languages)

The article comprises the analysis of the metaphorical field “Appearance” in the Russian and Polish languages. In this respect, the author singles out the subgroups which are productively enriched by figurative naming units. It is emphasised, among other things, that figurative naming units are regular not in naming vitally important human organs, but in the nomination of those parts of the body which reveal diversity from one human to another and can be evaluated from the point of view ‘attractive / unattractive’.

The contrastive analysis in the linguocultural aspect leads to the conclusion that representatives of both ethnic groups demonstrate a more or less homotypic ideal of a good-looking person. The differences are related to the degree of spread of certain types of appearances among the Russian and the Polish.

The special attention is given to the fact that evaluative image-metaphor is concentrated mainly in the high-flown or, vice versa, in the low colloquial styles of speech, in which the expressive function is a dominant one. It is also of the great importance that, regardless the styles of speech, metaphors in both languages are formed by the same models, largely homotypic in the languages in question.

The usage of the specific metaphorical naming units is connected with the cultural characteristics of the two nations as well as with their specific perception of the world as a whole.

Key words: *metaphor, metaphorical model, source of metaphorization, metaphorical field, conceptual picture of the world.*